

РОСІЙСЬКА МОВА

УДК 811.161.1'38

DOI <https://doi.org/10.32838/2663-6069/2020.4-3/01>**Меньшиков И. И.**

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ЛИНЕЙНАЯ СХЕМА СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ (ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ И МЕТОДИКА ПОСТРОЕНИЯ)

Після виходу в 1970 році у світ «Граматики сучасної російської літературної мови» у теорію і практику різного роду досліджень в області синтаксису російської та багатьох інших мов світу увійшли і міцно закріпилися в них такі поняття, як «структурна схема» і «парадигма речення». Водночас перше із цих понять, поняття абстрактної структурної схеми як нормативного зразка мінімальної побудови речення, фактично покладено в основу будь-якої практично довільної комунікативної одиниці що, будучи наповненою конкретним лексичним матеріалом, може стати фразою, висловлюванням, повідомленням про якусь дійсність, стати реченням або свого роду синтаксемою, яка може виявитися комунікативною одиницею, і зокрема тією чи тією предикативною зоною деякого тексту.

За своєю суттю структурну схему речення ми можемо інтерпретувати як такий собі аналог предмета дослідження, його моделі, тобто системи деяких об'єктів (будь-якої фізичної природи), структура або поведінка якої відповідно відтворює структуру або поведінку іншої системи об'єктів, що є предметом дослідження. І в такому сенсі речення, побудоване за тією чи тією структурною схемою, ми можемо кваліфікувати і як структурну схему певного виду, і як модель.

Постановка питання про лінійну схему складного речення взагалі має сенс лише тоді, коли ми маємо справу зі складними реченнями ускладненого типу, що складаються із трьох і більше частин, оскільки в реченнях мінімальної конструкції неможливі жодні інші комбінації предикативних основ, крім однієї – бінарної. Але водночас актуалізується вже зовсім інша метамовна проблема, яка пов'язана не стільки зі структурною схемою речення, скільки з тим, що ми номінуємо як лінійну схему.

Ключові слова: складне речення, ускладнений тип, лінійна схема, порядок частин складного речення, засоби зв'язку.

Постановка проблеми. После выхода в 1970 году в свет «Граматики современного русского литературного языка» [4] в теорию и практику различного рода изысканий в области синтаксиса русского и многих других языков мира вошли и прочно закрепились в них такие понятия, как «структурная схема» и «парадигма предложения».

Анализ последних исследований и публикаций. При этом первое из этих понятий, понятие отвлечённой структурной схемы как нормативного образца минимального построения предложения, фактически положено в основу любой практически произвольной коммуникативной единицы и, будучи наполненным конкретным лексическим материалом, может стать фразой, высказыванием, сообщением о какой-то действительности, стать

предложением [4, с. 541] или своего рода синтаксемой, которая может оказаться коммуникативной единицей, в частности, той или иной предикативной зоной [5, с. 17–19] некоторого текста. По своей сути структурную схему предложения мы можем, используя дефиницию Р. Г. Пиотровского, интерпретировать в качестве некоего аналога предмета исследования, его модели, то есть системы некоторых объектов (любой физической природы), структура или поведение которой соответственно воспроизводит структуру или поведение другой системы объектов, являющейся предметом исследования [6, с. 16]. И в таком смысле предложение, построенное по той или иной структурной схеме, например по модели «существительное в именительном падеже плюс уподобляющаяся ему

личная форма глагола» (Дети спят; Мама устала) [4, с. 549], как и по какой-либо иной модели, скажем по модели, состоящей только из спрягаемого глагола (Светаёт; Похолодало) [4, с. 56], мы можем квалифицировать и в качестве структурной схемы определённого вида, и в качестве модели, соответственно простого двусоставного предложения, а также модели простого односоставного спрягаемого-глагольного предложения со всеми существенными параметрами соответствующих коммуникативных единиц – от количества входящих в то или иное сложное предложение предикативных основ (части сложного предложения) и характера синтаксических отношений между ними до особенностей их лексического наполнения и даже специфики грамматической формы синтаксического предиката [2].

Постановка задания. Цель статьи – определить лингвистическое содержание понятия «линейная схема», описать методику ее построения.

Изложение основного материала. Однако усвоение, а тем более воспроизводство такого рода моделей, как показала практика работы со студентами учреждений высшего образования в различных странах, часто требует значительных интеллектуальных усилий как обучающихся, так и преподавателей, особенно при установлении и интерпретации ограничений на лексику и грамматику в разных частях того или иного сложного предложения. Эти ограничения часто носят волюнтаристский характер и в силу целого ряда сугубо объективных причин не могут быть формализованы в том смысле, в каком это принято в точных науках, а значит, не могут быть и соответствующим образом алгоритмизированы, и мы думаем, что это и является главной причиной того, что в очередных двух грамматиках русского языка, изданных в течение последующих двух десятилетий (1980 и 1990 годы), о структурной схеме сложного предложения усложнённого типа как об объективном и лингвистически детерминированном синтаксическом образовании ничего существенного, а тем более грамматически значимого, по нашему мнению, ничего определённого и заслуживающего специального научного или методического рассмотрения практически не говорится, кроме, разве что, наполнения соответствующей конструкции теми её предикативными зонами (частями сложного предложения), из которых эта конструкция и построена. Напомним, что ставить вопрос о линейной схеме сложного предложения в принципе имеет, очевидно, смысл лишь тогда, когда мы имеем дело со сложными предло-

жениями усложнённого типа, состоящими из трёх и более частей, поскольку в предложениях минимальной конструкции невозможны никакие иные комбинации предикативных основ, кроме одной – бинарной, снимающей вообще проблему количественной, а зачастую и качественной вариативности линейной схемы сложного предложения. Но при этом, как мы считаем, актуализируется уже совершенно иная метаязыковая проблема, связанная не столько со структурной схемой предложения, в особенности с такими её составляющими, как наличие определённого рода ограничений на лексику и грамматику входящих в сложное предложение частей [2], сколько с тем, что мы номинируем как линейную схему сложного предложения и что в учебнике для студентов учреждений высшего образования «Современный русский язык» под редакцией Е. И. Дибровой квалифицировано в качестве компонентной структуры многочленного предложения [7, с. 518], которую в процедурном аспекте мы и можем соотнести с понятием «линейная схема предложения» по аналогии с его структурной схемой, но с противопоставлением двух этих понятий, ориентированных на изучение и описание разных лингвистических явлений. Но если структурная схема предложения определяется как абстрактный образец предложения, в состав которого входит минимум компонентов, необходимых для его построения [8, с. 609], то в линейной схеме предложения указываются, как правило, все синтаксически значимые её составляющие, образующие какое-то конкретное сложное предложение усложнённого типа, и именно вся совокупность этих составляющих, включая порядок их следования [1] и характер синтаксических связей между ними, определяет сущность соответствующего конструкта, его общие и специфические параметры как сугубо лингвистической единицы.

Под линейной схемой сложного предложения усложнённого типа мы, таким образом, будем понимать некую последовательность символов, указывающих на количество входящих в данный конструкт частей сложного предложения, порядок их следования и средства связи между этими частями, то есть такую их последовательность, в которой, как и в структурной схеме, фиксируются только самые общие и наиболее, с нашей точки зрения, грамматически значимые параметры соответствующей синтаксической фигуры как синтаксической единицы определённого типа. Эти фигуры могут быть, естественно, различной сложности и разной конфигурации, но в целом

соответствовать предложенному в «Грамматике современного русского литературного языка» общему определению сложного предложения как сочетанию предикативных единиц, построенному по той или иной структурной схеме и предназначенному для функционирования в качестве целостной единицы сообщения [4, с. 653].

Приняв приведенную дефиницию и обратившись главным образом к таким синтаксическим образованиям, которые, как и в первых двух примерах, не вызывают особых затруднений или дискуссий при толковании их содержания и грамматической структуры, построим линейную схему сложных предложений усложнённого типа текста, состоящего из трёх приведенных ниже предложений, полагая при этом возможность и допустимость соответствующей процедурной экстраполяции. Итак, у нас три следующих предложения:

А. *Кучер, заметивши, что один из них был большой охотник становится на запятки, хлынул его кнутом, и бричка пошла прыгать по камням* [3, с. 22].

Б. *Комната закружилась, перемешались чиновники и столы, и чуть удержался он от мгновенного потемнения* [3, с. 411].

В. *Когда же дорога понеслась узким оврагом в чащу огромного заглохнувшего леса и он увидел вверху, внизу, над собой и под собой трёхсотлетние дубы, трём человекам в обхват, вперемежку с пихтой, вязом и осокором, перераставшем вершину тополя, и когда на вопрос «чей лес?» ему сказали: «Тентетникова»; когда, выбравшись из леса, понеслась дорога лугами, мимо осиротевших роц, молодых и старых ив и лоз, в виду тянувшихся вдали возвышений, и двумя мостами перелетела в разных местах одну и ту же реку, оставляя её то вправо, то влево от себя, и когда на вопрос «чи луга и поемные места?» отвечали ему: «Тентетникова»; когда поднялась потом дорога на гору и пошла по ровной возвышенности – с одной стороны мимо неснятых хлебов, пшеницы, ржи и ячменя, с другой же стороны мимо всех прежде проеханных им мест, которые все вдруг показались в сокращённом отдалении, и когда, постепенно темнея, входила и вошла потом дорога под тень широких развилстых дерев, разместившихся врассыпную по зелёному ковру до самой деревни, и замелькали резные избы мужиков и красные крыши каменных господских строений, большой дои и старинная церковь, и блеснули золотые верхи; когда пылко забившееся сердце и без вопроса знало, куда приехало, – ощущенья, непрестанно накоплавшиеся, истор-*

гнулись наконец в громогласных словах: «Ну, не дурак ли я был доселе?» [3, с. 414–415].

Сначала три замечания процедурного характера к нашим иллюстрациям: 1) пронумеруем все части каждого сложного предложения, укажем связывающие их скрепы и обозначим синтаксические связи между этими частями следующим образом: подчинительная синтаксическая связь, сочинительная связь, бессоюзная синтаксическая связь. Дополнив соответствующим образом предложения А, Б и В приведенного выше текста, мы получим три структурных модели следующих сложных предложения усложнённого типа, последнее из которых состоит более чем из 15 простых предложений (предикативных основ) и представляет собой особо усложнённую конструкцию с самыми разными семантическими и синтаксическими отношениями между её компонентами, и мы, естественно, будем идти от простого к сложному, от двух первых к третьей.

После нумерации частей сложного предложения, конкретизации синтаксической скрепы и установления характера синтаксических связей мы, исходя из двувёршинной концепции простого предложения (наличия в русской грамматике двух главных членов – подлежащего и сказуемого), получим такую картину:

А. 1. *Кучер, заметивши,* ← 2. *что один из них был большой охотник становится на запятки, 1. хлынул его кнутом,* ↔ 3. *и бричка пошла прыгать по камням* [3, с. 22].

Б. 1. *Комната закружилась,* _____ 2. *перемешались чиновники и столы* ↔ 3. *и чуть удержался он от мгновенного потемнения* [3, с. 411].

В. 1. *Когда же дорога понеслась узким оврагом в чащу огромного заглохнувшего леса,* ↔ 2. *и он увидел вверху, внизу, над собой и под собой трёхсотлетние дубы, трём человекам в обхват, вперемежку с пихтой, вязом и осокором, перераставшем вершину тополя,* ↔ 3. *и когда на вопрос «чей лес?» ему сказали: _____ 4. «Тентетникова»;* ↔ 5. *когда, выбравшись из леса, понеслась дорога лугами, мимо осиротевших роц, молодых и старых ив и лоз, в виду тянувшихся вдали возвышений, и двумя мостами перелетела в разных местах одну и ту же реку, оставляя её то вправо, то влево от себя,* ↔ 6. *и когда на вопрос «чи луга и поемные места?» отвечали ему _____ 7. «Тентетникова»;* ↔ 8. *когда поднялась потом дорога на гору и пошла по ровной возвышенности – с одной стороны мимо неснятых хлебов, пшеницы, ржи и ячменя, с другой же стороны мимо всех прежде проеханных им мест,* ↔ 9.

которые все вдруг показались в сокращённом отдалении, ↔ 10. и когда, постепенно темнея, входила и вошла потом дорога под тень широких развилыстых дерев, разместившихся враспыленную по зелёному ковру до самой деревни, ↔ 11. и замелькали резные избы мужиков и красные крыши каменных господских строений, большой дои и старинная церковь ↔ 12. и блеснули золотые верхи; ← 13. когда пылко забившееся сердце и без вопроса знало, ← 14. куда приехало, → 15. ощущение, непрерывно накоплявшиеся, исторгнулись наконец в громогласных словах: _____ 16. «Ну, не дурак ли я был доселе?» [3, с. 414–415].

Выводы и предложения. После указанных в этих предложениях дополнений технического характера и фиксации их в единой схеме соответствующей синтаксической единицы они и примут, очевидно, вид такого графа, каждый из которых будет представлять собой в общем виде дерево зависимо-

стей исследуемого нами конструкта, и мы можем получить третью, наиболее сложную в структурном плане линейную схему сложного предложения усложнённого типа. Вот в достаточной степени формализованная, содержательно и функционально значимая и, на наш взгляд, вполне приемлемая, во всяком случае в плане постановки вопроса, авторская интерпретация этой линейной схемы.

1. Когда же ... ↔ 2. и ... ↔ 3. и когда ... _____ 4. ... ↔ 5. когда ... и когда ... ↔ 6. _____ 7. ↔ 8. когда ... ← 9. которые ... и когда ... ↔ 10. и ... ↔ 11. и ... ↔ 12. ← 13. когда ... ← 14. куда ... → 15. ... _____ 16. ...

Эта линейная схема легко накладывается на заданное сложное предложение и даёт возможность достаточно чётко описать его синтаксическую структуру как определённой образующих это предложение последовательности предикативных единиц, а соответственно, и предикативных зон.

Список литературы:

1. Адамец П. Порядок слов в современном русском. Прага, 1966. 96 с.
2. Белошапкина В. А. Сложное предложение в современном русском языке. Москва: Просвещение, 1967. 160 с.
3. Гоголь Н. В. Собрание сочинений: в 6-ти т. Москва: ГИХЛ, 1959. Т. 5. 576 с.
4. Грамматика современного русского литературного языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. Москва: Наука, 1970. 768 с.
5. Меньшиков И. И. Предикативная зона как фрагмент речевой цепи и синтаксическая категория. *Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету*. Серія «Філологія». Одеса, 2016. № 21. Т. 1. С. 17–19.
6. Пиотровский Р. Г. Моделирование фонологических систем и методы их сравнения. Москва: Наука, 1966. 300 с.
7. Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц: учебник для студентов учреждений высшего образования / под ред. Е. И. Дибровой. Москва: Издательский центр «Академия», 2014. 624 с.
8. Українська мова. Енциклопедія / за ред. В. М. Русавського, О. О. Тарененка. Київ: Укр. енцикл., 2000. 752 с.

Menshikov I. I. LINEAR DIAGRAM OF A COMPLEX SENTENCE IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE (LINGUISTIC CONTENT AND CONSTRUCTION METHODOLOGY)

After the issue of the Grammar of the Modern Russian Literary Language in 1970, concepts such as a structural scheme and a sentence paradigm entered the theory and practice of various kinds of research in the field of syntax of Russian and many other languages of the world. At the same time, the first of these concepts, the concept of an abstract structural diagram as a normative model of the minimal construction of a sentence, is actually the basis of any practically arbitrary communicative unit and, being filled with specific lexical material, can become a phrase, a statement, a message about some reality, become a sentence or a kind of syntaxeme, which may turn out to be a communicative unit, and in particular one or another predicative zone of some text.

At its sense, we can interpret the structural diagram of a sentence as a kind of analogue of the subject of research, its model, i.e. systems of some objects (of any physical nature), the structure or behavior of which, respectively, reproduces the structure or behavior of another system of objects that is the subject of research. And in this sense, a sentence built according to one or another structural scheme, we can qualify both as a structural scheme of a certain type, and as a model.

In general, it makes sense to pose the question of a linear scheme of a complex sentence only when we are dealing with complex sentences of a complicated type, consisting of three or more parts, since no other combinations of predicative stems are possible in sentences of a minimal construction, except for one – a binary one. But at the same time, a completely different metalanguage problem is being actualized, connected not so much with the structural scheme of the sentence as with what we nominate as a linear scheme.

Key words: complex sentence, complicated type, linear scheme, order of parts of complex sentence, means of communication.